

УДК 811.161.1'37
ББК 83

Елена Юрьевна Муратова,
кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова
(210038, Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 33)
e-mail: mouratova@tut.by

Художественная роль окказиональной лексики в творчестве Е. Евтушенко

В статье исследуется окказиональная лексика в творчестве Е. Евтушенко. Окказиональная лексика в его творчестве разнообразна, но её ядро представлено четырьмя основными частями речи – именами существительными, прилагательными, глаголами и наречиями. Самая значительная группа новообразований включает имена существительные, среди которых особый интерес представляют сложные окказиональные слова. В силу своей структурно-смысловой организации сложное слово и в естественном языке выражает, как правило, более чем одно значение. Существительные и прилагательные создаются поэтом в основном на основе продуктивных моделей, существующих в языке. В русском языке в тесной грамматической связи с именем существительным находится имя прилагательное. Для лирики в отношении прилагательных сохраняется та же тенденция, что и в отношении существительных: создание окказиональных слов на основе продуктивных моделей, существующих в языке. Как показывает анализ, в поэтическом языке наиболее активен процесс образования сложных потенциальных и окказиональных прилагательных. Особое место в лирике Е. Евтушенко занимают окказиональные глаголы. Для них характерно совмещение значения собственно действия и целей, условий, характера этого действия. Иногда в лирике Е. Евтушенко встречаются стихи, в которых в одном четверостишии может фиксироваться несколько новообразований, в которых организуется и «концентрируется» несколько значений. В отношении глагола для поэтических текстов Е. Евтушенко также характерно не создание собственно окказиональных лексем, а разнообразное изменение существующих узуальных форм. Особой приметой Е. Евтушенко в области словотворчества является активное употребление приставок, префиксоидов, суффиксоидов.

Причастие как атрибутивная глагольная форма, сочетающая в себе категориальные свойства глагола и прилагательного, может проявлять специфические особенности при функционировании в поэтическом тексте.

В поэзии Е. Евтушенко употребляются и модифицируются страдательные причастия прошедшего времени, которые в системе языка в целом гораздо чаще развивают качественное значение, включая не только процессуальные, но и признаковые его элементы; в страдательных конструкциях действие является скорее признаком состояния, получаемого от действия.

Ключевые слова: окказионализм, существительное, прилагательное, глагол, словообразовательная модель.

Elena Yuryevna Muratova,
Candidate of Philology, Associate Professor
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
(33 Moskovsky Ave, Vitebsk, Belarus, 210038)
e-mail: mouratova@tut.by

The Artistic Role of Occasional Lexicon in E. Evtushenko's Creativity

Occasional vocabulary is explored in Eugenie Yevtushenko's creative work. The occasional vocabulary is rather various, but the main part includes four parts of speech – nouns, adjectives, verbs and adverbs. The most significant part consists of nouns, among which compound occasional nouns are of special interest. As a rule, a compound noun has more than one meaning that is because of its structural and semantic formation. Nouns and adjectives are formed mainly on basis of productive models of the language. An adjective is closely grammatically connected with a noun in the Russian language. In poetry there is the same tendency in creating occasional adjectives as when speaking about nouns, they are formed on basis of productive models of the language. After analyzing the lyrics, it is

seen that the process of forming of compound potential and occasional adjectives is more commonly observed. Occasional verb take a special place in Yevtushenko's lyrics. They are characterized by combining the meaning of the action itself with the goals, conditions and the manner of this action. There are sometimes Yevtushenko's poems in which one can observe several new formations with several meanings in one quatrain. Concerning the verb in Yevtushenko's poems not the process of forming occasional lexemes is typical, but the process of modification of the existing usual forms. It is very typical of Yevtushenko's poetry to use a lot of prefixes, suffixes and prefixoids.

A participle, being an attributive verbal form and having categorical properties of both a verb and an adjective, can show specific features in a poetic text. In Yevtushenko's poetry passive past participles which usually develop qualitative features both processual and associative are mostly used and modified. In such passive constructions the action is more often the sign of state, resulting from the action.

Keywords: occasionalism, noun, adjective, verb, derivational model.

В поэзии XX–XXI вв. язык становится изображаемым явлением, предметом пристального внимания и творческого преобразования. Как пишет М. Л. Гаспаров: «...исходной темой может быть не только кусок действительности, но и кусок языка: когда Хлебников пишет: «О, рассмейтесь, смехачи!..», то темой его служит не явление «смех», а слово «смех» с его словообразовательными возможностями» [3, с. 7]. Процесс создания окказиональных лексем представляет собой процесс означивания определенных содержательных структур сознания и подсознания автора, означивание индивидуально-авторских концептов и превращения их в языковые знаки. В результате окказионализмы становятся непосредственной языковой данностью, в которой «закодированы» многообразные имплицитные смыслы.

Окказиональное словотворчество является заметной приметой идиостиля Е. Евтушенко. Нами выявлено 604 новообразования в 1 123 исследованных текстах поэта. Окказиональная лексика в его творчестве разнообразна, но её ядро представлено четырьмя основными частями речи – именами существительными, прилагательными, глаголами и наречиями.

Самая значительная группа, составляющая 55 % от всех новообразований, включает имена существительные. Особый интерес представляет группа потенциальных и окказиональных сложных слов. В силу своей структурно-смысловой организации сложное слово и в естественном языке выражает, как правило, более чем одно значение. Большинство сложных новообразований построено по продуктивным языковым моделям от сочетаний существительных с числительными, с прилагательными и с существительными.

Поэтический язык, стремящийся к компрессии мысли при сжатости формы, отличается насыщенностью сложных окказиональных слов: 1. *Кто после нас был? Один Иосиф./ А остальные? Бродского-лосье - / милые люди или шпана.* 2. *О комплекс лебедеутенка!* 3. *Промедленья тоже гибель, / и на трон бы, может, влез / новенький Сталиногитлер – смесь СС с КПСС.* 4. *Мы – пионерлагерники. / Мы – / беглецы из крымской Колымы, / той, где красногалстучных калек / у своих костров ковал Артек. / Мы не стали копиями точенькими / Павлика, / не стали «будьготовчиками». / Не сгорели мы на тех кострах.*

В русском языке в тесной грамматической связи с именем существительным находится имя прилагательное. Еще В. В. Виноградов, анализируя творчество А. А. Ахматовой, писал, что имена прилагательные играют повышенную смысло- и текстообразующую роль: попадая в текст, они становятся его «смысловыми фокусами», перекликающимися на расстоянии», и выступают как «эмоциональный смысловой стержень композиции, решительно изменяют значение и назначение всех словесных частей стихотворения» [1, с. 573].

Для лирики в отношении прилагательных сохраняется та же тенденция, что и в отношении существительных: создание окказиональных слов на основе продуктивных моделей, существующих в языке.

В исследованных текстах Е. Евтушенко прилагательные представлены 125 лексемами, т. е. занимают по количеству второе место после новообразований-существительных. Как показывает анализ, в поэтическом языке наиболее активен процесс образования сложных потенциальных и

оказиональных прилагательных. Так, у Е. Евтушенко 30 % всех okazjiональных прилагательных являются сложными: *худокрыший амбар, детмировский автомат, невинноглазый сорванец, москвошвейское пальто, креслозаядая серость, вечномерзлотное ханство, СССР-ный человек* и под.

Особое место в лирике Е. Евтушенко занимают okazjiональные глаголы, которые представлены 113 лексемами в 1 123 исследованных поэтических текстах. Для Е. Евтушенко характерно образование okazjiональных глаголов, совмещающих значения собственно действия и целей, условий, характера этого действия. Так, поэт создает глагол *чарльстонить* вместо стандартного сочетания *танцевать чарльстон*; аналогично: *околючить, альпиниствовать, вылезгинивать, просибириться, твистовать, воблануть*. Глаголы данного типа составляют в среднем 35 % всех okazjiональных глаголов в творчестве поэта.

Рассмотрим на этот предмет более подробно следующие строки: *Страх снизойти с вершин до масс /Его, как червь элитный точит. / Не для его пера – КамАз, / Он искамазаться не хочет*. В данном четверостишии выявляется нестандартная синтагматическая связь, осложненная инверсией (*червь элитный*), дискурсивный элемент (*КамАз*), okazjiонализм (*искамазаться*), сравнение (*как червь элитный точит*). Центром возникающих новых смыслов является okazjiональный глагол *искамазаться*, форма которого представляет практически матрицу узуального глагола *измазаться*, что безошибочно направляет возникающие ассоциации во фракталь «грязь», но не в прямом, а в переносном смысле: писать о простых земных вещах *поэт-глухарь, с эстетской лирой под плащом* считает ниже своего достоинства. Все предполагаемые амбиции таких «поэтов», боязнь *слишком низко пасть, чтобы до «пользы» опуститься* и т. д. – все эти и другие смыслы передает всего лишь один okazjiональный глагол – *не хочет искамазаться*.

Иногда в лирике Е. Евтушенко встречаются стихи, в которых в одном четверостишии может фиксироваться несколько подобных новообразований, в которых организуется и «концентрируется» несколько значений: *Сколько мы набестолковили. / Даже Булата, как встарь, / чуточку под-*

маяковили. / Разве горлан он, главарь?.. / Сможем и без покровительства, / бремя бессмертья неся, / как-нибудь разгра- нититься / или размрамориться. / Не бронзоветь нам ссутулено...

В отношении глагола для поэтических текстов Е. Евтушенко также характерно не создание собственно okazjiональных лексем, а разнообразное изменение существующих узуальных форм: 1. *Вцеловалась, теряя разум, / словно тысячи женщин разом!* 2. *Может, / зная, что не вырасти, / что от голода умрет, / разрешила себе вырыдаться / наперед?* 3. *Еще немного дай поцарюю / внутри даруемого царства губ.* 4. *А если мы в рай попадем, нас / эксплуатнут и там.* 5. *Пелось многое ей, а выпелись / только горечь, проклятья и боль.*

Причастие как атрибутивная глагольная форма, сочетающая в себе категориальные свойства глагола и прилагательного, может проявлять специфические особенности при функционировании в поэтическом тексте.

По определению А. А. Потемни, причастия представляют возникающий признак как данный. Эта сущность причастных форм позволяет создавать эффект «застывшего» движения. В поэзии употребляются и модифицируются страдательные причастия прошедшего времени, которые в системе языка в целом гораздо чаще развивают качественное значение, включая не только процессуальные, но и признаковые его элементы; в страдательных конструкциях действие является скорее признаком состояния, получаемого от действия. То есть сама онтологическая сущность страдательных причастий – совмещение разных сем значения, актуализация определенных сем значения в зависимости от контекста – как нельзя лучше отвечает потребностям поэтического языка. Как писал В. В. Виноградов, «в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридизации. Смысловая структура этих форм подвергается глубоким изменениям. В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений» [2, с. 230].

В поэзии Е. Евтушенко иногда наблюдается образование страдательного причастия непосредственно от существительного, что не характерно для русской языковой

системы: 1. Жизнь – нища или шикарна, / **обесстыженная** вся. 2...зарылся я, **зафлаженный**, как волк, / в доверчивый сугроб ее постели. 3. Я так хочу сегодня, / чтоб вы вообразили, / что не было свободней / меня или Фазиля, нас, **неопьедастеленных**, / на приставных скрипучих, / и, несмотря на Сталина, / к девочкам приставучих... Подобное чересступенчатое словообразование, в котором пропущенное словообразовательное звено представляет, как правило, не существующий в языке, но потенциально возможный глагол, обусловлено поэтическим контекстом, ритмической организацией текста, стремлением поэта «сконденсировать» максимум смыслов в минимальном языковом сегменте. Такие новообразования представляют собой насыщенные зоны смыслопорождения, поскольку в них происходит организация новых смыслов, не проявленных нормативными языковыми средствами.

В поэзии встречаются деепричастия, образованные от несуществующих в узусе глаголов. Например: 1. Не исчезай... Исчезнув из меня, **развоплотясь**, ты из себя исчезнешь. 2. Безмолвно стоял караул, / на ветру **бронзовея**. 3. Он ходил, немного **принаивясь**. 4. Перстами божьими помечен, **серьезничая** не всерьёз...

Рассмотрим механизм появления новых смыслов на следующем примере из лирики Е. Евтушенко: Он, **принародившись**, поет, / Но в «алярюсе» нет исхода. / Кто вне своей эпохи – тот / И, **принародясь**, вне народа. В данном контексте выявляются два окказиональных деепричастия и специфическое соположение однокоренных слов **принародясь** и **народ**. Кроме того, лексема **алярюс** также вносит в текст целый «пучок» смыслов. «Траектория» смыслопорождения задана предыдущим контекстом, в котором речь идёт о поэте, который характеризуется следующим образом: *певец кокошников, берез, он полон слеси барско-рабской...; он отпевает Русь икон, по деревенькам их воруя..., сыто, чинно посмел оправдывать позор, чье воплощенье – Салтычиха*. Оба окказионализма **принародившись** и **принародясь** рождают многочисленные глубинные смыслы. Вопрос, который поднимает здесь Е. Евтушенко, своими корнями уходит к стихам А. С. Пушкина «Поэт», «Поэт и тол-

па», в которых великий поэт поднимает вечную проблему: Поэт и Чернь. В своей речи «О назначении поэта» А. Блок пытался определить, кого имел в виду А. Пушкин под чернью. Представляется, что Чернь у Пушкина – это не народ вообще, у него Чернь не имеет сословного статуса, внутри неё в определённый момент может оказаться и Бенкендорф, и обыватель, и кузнец, и студент; Чернь – это *народ непосвящённый*. И хотя в начале пушкинского стихотворения «Поэт» образ поэта специально снижен (*в заботы суетного света он малодушно погружён*), в последующих строках поэт поднимается на надлежащую высоту *божественного глагола*. При этом А. Пушкин предупреждал, что поэту *не должно быть площадным по доброй воле*. В данном контексте Е. Евтушенко не поднимает вопрос Черни, народ у него априори положителен, он рассматривает образ Поэта, причем не всякого, а поэта «алярюс». Через окказиональные деепричастия (собственно, через одно созданное слово) Е. Евтушенко сумел передать мотивы поведения, тайные амбиции поэта «алярюс», пытающегося *принародиться*, который очень хочет нравиться тем, кто его читает, хочет вписаться в толпу, которую на самом деле не уважает, очень хочет быть в ней своим, чуть ли не рубахой-парнем. Грамматическая форма окказионального деепричастия также имеет важное значения для образования тех, а не иных смыслов. Приставка **при-** имеет значение направленности к чему-л, приближения, присоединения, добавления, другими словами – значение *быть рядом*, но не внутри объекта (в отличие, например, от приставки **в-**: *внародиться*). Поэт «алярюс» очень старается угодить, для него нет вопроса о высокой роли поэта, его не волнует мысль, что *прекрасное должно быть величаво*, он готов поставить на карту все, чтобы его считали народным поэтом, чтобы его любили, признавали своим, но вся эта фальшь видна, он оказывается не в народе, а лишь **при-** народе. Все эти смыслы возникают благодаря двум формам окказиональных деепричастий, образованных по двум разным моделям.

Таким образом, окказиональная лексика является источником новых смыслов, а ее исследование позволяет выявить скрытые языковые потенциалы.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) // Анна Ахматова: pro et contra: антология: в 2 т. / сост. С. Коваленко. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2001–2005. Т. 1. 2001. С. 553–672.
2. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Гаспаров М. Л. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.

Источник

4. Евтушенко Е. Стихотворения. Поэмы. М.: АСТ, 2000. 668 с.

References

1. Vinogradov V. V. O poezii Anny Ahmatovoj (stilisticheskie nabroski) // Anna Ahmatova: pro et contra: antologija: v 2 t. / sost. S. Kovalenko. SPb.: Izd-vo Russkoj Hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2001–2005. T.1. 2001. S. 553–672.
2. Vinogradov V. V. Russkij jazyk: grammaticheskoe uchenie o slove: ucheb.posobie. 2-e izd. M.: Vysshaja shkola, 1972. 614 s.
3. Gasparov M. L. Jazyk, pamjat', obraz: lingvistika jazykovogo sushhestvovanija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 351 s.

Istochnik

4. Evtushenko E. Stihotvorenija. Pojemy. M.: AST, 2000. 668 s.

Статья поступила в редакцию 20.01.2014